

УДК 165.62

Человек и его жизненные миры

Волков Владимир Николаевич

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой управления,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
123007, Россия, Москва, ул. 5-я Магистральная, 5;
e-mail: vnickvo@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из наиболее сложных, загадочных и слабо изученных проблем философии XX века – проблеме жизненного мира. Человек всегда живёт в мире – природном, социальном, культурном. Но мир для него – не «объективная реальность», а реальность жизненная, освоенная, соразмерная с ним. Такой мир не может быть предметом естествознания, – он есть предмет феноменологии. Концепт жизненного мира играет важную роль в исследованиях «структур повседневности», «обыденного мира» и т. п. Изучение проблемы жизненных миров имеет непосредственное отношение к вопросам психологии, педагогики, социологии, истории, теории личности и сознания.

Ключевые слова

Человек, феноменология, жизненный мир, конституирование, горизонт, интерсубъективность, историчность.

Введение

Жизненный мир – это *не понятие* в классическом смысле, так как мы не можем дать ему строгое определение. Определения жизненного

мира, как правило, описательны, размыты. Такие слова-понятия относятся к концептам (включают в себя множество разных значений, изменяющихся в зависимости от ситуации, в которой они употребляются).

Значительный вклад в разработку проблематики жизненного мира внёс основоположник современной феноменологии Э. Гуссерль, согласно которому жизненный мир – это мир, в котором мы живём; единственный, конкретный, действительный окружающий мир, почва и горизонт теоретической и внетеоретической практики. Концепт жизненного мира тесно связан с понятиями *целостности, интерсубъективности, телесности, опыта Другого и телеологии разума*.

Жизненный мир – это *духовное образование* в нашей исторической жизни, представление человека о мире. Так или иначе, мы всегда соотносим (связываем) себя каким-либо образом с миром (мирами). Даже говоря, что мир существует независимо от нас, мы устанавливаем связь с ним, присутствуем в этом мире. Человек не может выйти из самого себя и посмотреть на мир со стороны. Он всегда включён в мир, в сознание, с помощью которого он рассматривает мир и получает информацию о нём. Но это не означает, что ничего, кроме сознания, нет. Невозможность отделить, что относится к сознанию, а что нет, приводит к ряду проблем. Сознание *всегда* организует мир, мир есть форма организации сознания. Следо-

вательно, может быть сколь угодно много миров. Но человек не может разграничить эти миры (внутренние и внешние). Именно потому, что наше сознание так организовано, мы относимся к тому или иному, направляем наше внимание на то или иное.

Жизненный мир *целостен*. В любом значении и ситуации «мир» фиксирует одну черту – целостность, которая может быть организована по-разному. Если целостность распадается, это означает для человека крайне тяжёлое состояние, когда он воспринимает себя не как единое целое, а как состоящее из нескольких частей. Человек не может адекватно себя вести, в соответствии с ситуацией, – он стремится создать для себя новый мир, в котором пытается восстановить целостность, начинает строить объяснительные схемы. Мир, организуемый нами в некую целостность, обязательно содержит в себе нечто другое (Бог, государство, Они), которое всегда задействуется. Это другое выполняет определённую функцию – на него мы можем переложить ответственность, оно выступает неким стимулом, источником наших преобразований. Данная схема (Мы – не Мы, Наши – не Наши, Свои – Чужие) работает всю жизнь, меняются только компоненты

внутри. Если есть Мы, то всегда предполагается не Мы¹.

Жизненный мир *структурен*: первоначальная сфера и интерсубъектная сфера, выходящая за рамки моего понятийного мира, образуют единый жизненный мир, общий для всех людей. Эти предельные состояния жизненного мира находятся не только в отношении противоречия, но и в отношении взаимодополнительности. Следовательно, жизненный мир можно понимать и как один-единственный, то есть имеющий одну всеобщую структуру, и как совокупность «конкретных жизненных миров». Всегда существует структурированность мира: Ближнее – Дальнее, Очевидное – Неочевидное, Знакомое – Незнакомое, Освоенное – Неосвоенное, Моё – Чужое. Причём элементы, которые мир включает в себя, – разнородные. Таким образом, человек в своём собственном мире может оказаться в состоянии раздвоенности, разлома. Мир станет для него незнакомым, непонятным, чужим. Но человек не способен долго находиться в таком состоянии, он должен найти смысл, который придаёт целостность, орга-

низует. Осмыслить что-либо – значит придать смысл, упорядочить, понять. И это понятное будет выступать для человека в качестве жизненного мира, того первичного, исходного, с чего он начинает и через что смотрит на всё другое. Градации миров происходят на фоне (в горизонте) того, что мы называем словом «всё». В онтогенезе – Мы и не Мы (Другие), потом Я и Мир, Мы и Природа, Мы и Космос, Мы и Общество и тому подобные миры, которые структурируются нашим сознанием.

Мир – это мир интенциональных объектов, то, что нас окружает, то, на что мы обратили внимание в данный момент. Направленность сознания подвижна (в разное время сосредоточиваемся на разных вещах). Сознание – местообразование всех возможных смысловых оформленностей жизненного мира. Н.В. Мотрошилова отмечает, что «когда мы читаем у Гуссерля слова об изначальности “естественного”, “действительного” мира, мы должны вспоминать о гуссерлевских формулах (кстати, выдвигаемых в борьбе против эмпиризма), трактующих действительность, действительное таким образом, что данные термины по праву *охватывают и чисто природный мир, и обработан-*

1 См.: Волков В. Н. Насилие и толерантность как принципы бытия в современном мире // Образование и общество. – 2005. – № 1. – С. 56-63.

ные людьми вещи природы, и объективированное идеальное, и самих людей, и их переживания, их ценности, социальные формы жизни и взаимодействия, нормы, принципы общения [курсив – Н. М.]»².

Конституирование жизненного мира

Охватить многомерные процессы формирования человеческим сознанием его предметных целостностей (вещей, тел, личностей, природы, мира, истории) Гуссерль стремится с помощью понятия «конституирование». Как же осуществляется конституирование intersубъективности и историко-социальных миров? Мир личности – это всегда духовный мир, мир для меня есть мир для нас, универсально-исторический мир. Гуссерль анализирует конституирование Другого на основе изначального опыта моей субъективности. Основной модус опыта в отношении Другого – вчувствование, сопереживание, мысленное вживание в жизнь других людей, конституирование единения Я и Ты. Феноменология теряет харак-

тер эгологии, ибо Другой изначально преддан мне как часть окружающего мира, моё сознание априорно intersубъективно³. Intersубъективный мир строго центрирован: он располагается концентрическими кругами вокруг центральной монады, моего Я. Ближе всего ко мне мой жизненный мир, мир людей и предметов непосредственно окружающих меня в течение всей моей жизни. Это моя семья, мой дом, моё окружение: друзья, приятели, знакомые, мой город с ландшафтами и людьми, моя страна и т.д. Это мир моих личных убеждений, интересов, вкусов, дел и привычек. Миры науки, культуры, мифа, религии и т.п. – все они имеют свои корни в жизненном мире, все они вырастают из него. Жизненные миры могут быть индивидуальными и коллективными, многообразными, альтернативными картинами мира.

В формировании идеи жизненного мира важную роль играет понятие *горизонта*, внутри которого всегда находится всё существующее.

2 Мотрошилова Н. В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. – М., 2003. – С. 148-149.

3 Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества и философия; Философия как строгая наука. – Минск; М., 2000. – С. 474.

В соответствии с этим можно говорить о различных экзистенциальных мирах, существование которых обусловлено разными установками одного Я. Горизонт – это грань воспринимаемого предмета в зависимости от подвижных, изменяющихся интенций сознания. Внутренний горизонт отсылает к восприятию одного непосредственно данного предмета, а внешний указывает на связь с сопутствующими предметами. Внешний и внутренний горизонты необходимо пересекаются. «Горизонтность» – решающий способ конституирования мира, начиная от сопутствующих горизонтов, которые являются вместе с вещами и единствами вещей, до конституирования «горизонта горизонтов», то есть мира как такового.

Все индивидуальные предметы привязаны ко времени их становления и дления. Но темпоральная целостность мира – не единственное значение нерелексивных мировоззренческих условий постижения объектов в нём. Ведь мир, в котором мы все вместе живём, – это единый и понятный нам мир. Он воспринимается нами как общезначимый в целом именно потому, что индивидуальному опыту сопутствует горизонт «чистой» интересубъективности мира. Каждый че-

ловек имеет свой собственный «окружающий мир», который представляет лишь один из аспектов единого интересубъективного мира.

Феноменология различает в жизненном мире ряд уровней, или ряд особых «жизненных миров», каждый из которых имеет специфические черты: ядро жизненного мира – телесный мир, психофизическая организация человека. Именно этот мир выступает в качестве фундамента всех последующих смысловых построений, так как его структура неизменна для всех исторически возможных миров; жизненный мир в полном смысле этого слова как горизонт, в котором даны и конструируются другие миры – совокупность априорных структур, предопределяющих образцы любого опыта, «архетипы» пространственности и временности, горизонтности и историчности, присущие любой культуре; дообъективный мир восприятия, мир непосредственных переживаний и интуитивно полагаемых ориентиров, предвосхищающих дальнейший опыт; многочисленные миры, обусловленные специфическими профессиональными интересами, сферой занятости, работой; мир научной объективности, объективированный мир, обусловленный объект-субъектной парадигмой

восприятия. Жизненный мир предстаёт перед нами в многообразных, культурно и субъективно относительных формах живой данности, существует в форме мнений, переживаний, ценностей, богатства чувственного восприятия вещей. «Мир-горизонт» включает все наши возможные целеполагания, жизненные проекты, итоги прошедшего опыта, как универсальное «поле» смыслового отнесения наших прошедших, настоящих и будущих действий.

Складываются, формируются, созидаются многообразные типы отношения человека к действительности, и все они сопровождаются определенным сознанием такого отношения. Соответственно можно выделить миры раба и рабовладельца, верующего и атеиста, дворянина и крестьянина, грамотного и неграмотного, образованного и необразованного, мужчины и женщины, богатого и бедного, селянина и горожанина, северянина и южанина, провинциала и жителя мегаполиса, оленевода и металлурга, учёного и писателя, инвалида и сумасшедшего, больного и здорового, художника и музыканта, жителя степного и лесного, математика и гуманитария, мир женщины, не имеющей детей, и мир многодетной матери,

мир супермена и мир мужчины, «затюканного» жизнью, маленького человека, мир семьи и мир работы, мир друзей и мир врагов. Люди погружены в жизненные миры ребёнка, подростка, взрослого, старика, язычника, христианина, буддиста, мусульманина, японца, француза, американца, африканца, русского, мусульманина, атеиста, охотника, наркомана, моряка, врача, учителя, журналиста, бизнесмена, чиновника, спортсмена, туриста, коллекционера и т.п.

Существует уголовный мир, мир тюрьмы, и мир полицейского, надзирателя, охранника. Мы можем погружаться в мир интернета, автомобилей, спорта, студенческий, одноклассников, экономики, права, политики, войны, работы, секса, художественной литературы, живописи, кино, фотографии, истории, математики, физики. Мир может представлять перед нами как мир научных фактов, мир физически фиксируемых телесных событий, мир ценностей, идеалов, мир богов, практический мир. Жизненные миры в совокупности представляют собой обширный и неисчерпаемый кладёзь тем для художественной литературы. Миры Гобсека или Зверобоя, Дон Жуана или Гамлета, Фауста или Одиссея, Базарова

или Безухова – это и знакомые, и незнакомые нам миры. Достоевский и Толстой, Драйзер и Бальзак, Диккенс и Стендаль описывали миры, которые до сих пор живут в нас, неотъемлемо входят в наши жизненные миры.

Большое значение Гуссерль придаёт понятию “установка”. Установка рассматривается как «привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым также предопределён. В этом пребывающем стиле как в нормальной форме развёртывается любая определённая жизнь»⁴. Что же Гуссерль считает наиболее важным в “естественной” установке сознания, в “естественном” отношении к миру? 1. Мир всегда сам по себе “наличен”, предан нам, мы его преднаходим, осваивая опытным путём. 2. Непосредственно в поле актуального опыта Я включена лишь часть окружающего мира, тогда как огромная его часть составляет ближайший, отдалённый или вообще не-

доступный человеческому обозрению отдалённейший горизонт. 3. Каждое человеческое Я привычно и “естественно” пользуется не только тем, что мир “наличен”, “предан”, но и тем, что само оно составляет “естественное” звено этого мира.

Жизненный мир – условие кристаллизации всех научных, религиозных, философских установок. Тем не менее, сам жизненный мир *не выступает объектом мышления*, не становится предметом внимания, не ухватывается, не «тематизируется» ни естественной человеческой исследовательской установкой, ни установкой объективистской науки. Этот мир даётся в интерсубъективном опыте, опыте совместного бытия с другими; он кажется несомненным и вызывает доверие, не требуя никаких дополнительных обоснований. Только по отношению к этому миру и оправдана естественная установка, которая остаётся нерелефлексивной и подтверждает себя посредством постоянного повторения одного и того же.

Естественная установка – это архетип человеческого опыта восприятия реальности. Это нечто привычное, рутинное, близкое, то, что создает человеку зону комфорта. Жизнь бодрствующего – это всегда направлен-

4 Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества и философия; Философия как строгая наука. – Минск; М., 2000. – С. 640.

ность на что-то, как на цель и средство, на важное и неважное, на интересное и безразличное, на приватное или общественное, на предписанное повседневностью или возбуждающее новое. Всё это уместается в горизонте мира, нужен, однако, особый мотив, чтобы всё это, схваченное в жизни мира, в результате перемены установки стало само для себя темой, привлекло к себе устойчивый интерес. При любых обстоятельствах смена установки может быть лишь временной. Привычной, значимой на протяжении всей последующей жизни она становится лишь в форме безусловного волевого решения периодически возобновлять ту же самую установку⁵.

Жизненный мир *относителен*, субъективен, релятивен, изменчив, текуч, динамичен; он переживается в субъективном опыте индивида и дан индивиду в образе и контексте практики – в виде целей; он индивидуален, так как соотносится с эмпирическим опытом конкретного человека. Гуссерль набросал программу исследо-

вания конституирования различных целостностей («регионов»), в результате феноменология предстала в виде древа «региональных онтологий»: онтологии мира, природы, социальной действительности, культуры, личности, организмов, духа, этических и эстетических ценностей и т.п.

Жизненный мир как объект и результат интерпретации

Значительный вклад в разработку проблематики жизненного мира внёс Х. Ортега-и-Гассет, который пришёл к выводу, что исходя из человеческой жизни как из радикальной реальности, мы оказываемся по ту сторону тысячелетнего спора между идеалистами и реалистами и утверждаем, что в жизни одинаково реальны и первичны оба момента (и Человек, и Мир): «Мир, в котором обречена протекать жизнь, представляет систему значимостей, важных насущных дел. Поэтому мир, или обстоятельства, – реальность прагматическая, практическая, а вовсе не вещная. Ведь в современном языке словом “вещи” обозначено всё, что бытует само по себе и в себе самом, иначе говоря, существует независимо от нас. Что касается составляющих жизненного мира,

5 Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества и философия; Философия как строгая наука. – Минск; М., 2000. – С. 641-642.

то они суть только то, что они суть в моей жизни и для неё, а вовсе не для самих себя и в себе»⁶.

Согласно Ортеге, вещи суть «положительные» или «отрицательные» назначения, формирующие сложнейшие связи и порождающие разного рода деяния, как, например, война, охота, праздник. Внутри общего мира они образуют малые. Так, в большом мире существуют миры религии, искусства, литературы, науки, бизнеса. Практические, или прагматические, отношения между людьми и вещами (и наоборот) – не материальные, а *динамические*, хотя в конечном счёте они телесны. «Ни моё тело, ни вещи, с которыми мы сталкиваемся, не материальны. Точнее – и первое, и последнее суть столкновения, динамика в чистом виде... Обратив внимание на какой-нибудь предмет, мы тут же относим его к некоторому полю, области или – если угодно – *стороне жизни*... Жизненный мир, а значит, и жизнь в мире сформированы взаимоориентацией разных *сторон*, называемых мной “прагматическими полями”»⁷.

6 Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост. предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М., 1997. – С. 520.

7 Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост. предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М., 1997. – С. 535-536.

Понятие жизненного мира широко используется в феноменологической социологии А. Шюца, который сосредоточил внимание на исследовании жизненного мира как естественной установки сознания. Повседневный жизненный мир – это та область реальности, которая свойственна нормальному бодрствующему взрослому человеку в качестве простой данности, то есть того, что мы переживаем как несомненное. Это мир, наряду с миром мечты и истории, в котором человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Взаимопонимание человека с соплеменниками возможно лишь в пределах этой области, в которой происходит взаимодействие с ними. Только в повседневном жизненном мире возможно конституирование общей среды коммуникации. Истолкование и конструирование жизненного мира опирается на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Типизация – это не абстрактное обобщение, она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел исходя из множества их значений и оценок.

Главной формой отражения типичных схем опыта является язык, в котором объективировано большинство типизаций человеческого опыта. Привычки, как результаты повторения типизаций для решения проблем, образуют естественную установку. Но если этот само собой разумеющийся опыт начинает давать сбои, то естественная установка подвергается модификации. Это бывает редко, так как мы, как правило, интерпретируем мир, каким его знаем. Эти интерпретации являются не просто теоретическими. Они всегда имеют характер инструкций к действию: если положение дел таково, то я поступаю так-то. Благодаря своей применимости эти интерпретации становятся рецептами действий.

В понимании Шюца жизненный мир – это intersubjectивный мир, который существовал задолго до нашего рождения и переживался другими людьми как мир организованный, структурированный. Любая интерпретация этого мира базируется на запасе прежних его переживаний – как наших собственных, так и переданных нам нашими родителями и учителями, и этот запас «наличного знания» функционирует в качестве схемы соотнесения. Шюц полагает,

что «с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению»⁸. Повседневность – символический, переживаемый мир. В этой совокупности переживаний конституируется некий общий горизонт, в котором «уравниваются» различные частные перспективы: «Общий тезис взаимных перспектив приводит к способности схватывать объекты и их аспекты, действительно знаемые мной и потенциально знаемые им как знание каждого»⁹.

Согласно Шюцу, жизненные миры – мир сновидений, грёз и фантазий, мир искусства, мир религиозного опыта, мир научного созерцания, игровой мир ребёнка, мир сумасшедшего – всё это конечные области значения, и каждая из них может получить специфические черты реальности. Непротиворечивость и совместимость переживаний существуют

8 Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – Т. 2. – С. 130.

9 Шюц А. Здравый смысл и научная интерпретация человеческой деятельности // Вестник СПбГУ. – 1994. – Вып. 4. – С. 46.

лишь в границах той конкретной области значения, которой принадлежат эти переживания. Именно поэтому мы можем говорить о конечных областях значения. Переход из одной области в другую может быть совершён лишь посредством «скачка» (С. Кьеркегор). Шюц считает, что мир работы в повседневной жизни является архетипом нашего переживания реальности. Все другие области значения можно рассматривать как его модификации¹⁰.

Близким по значению концепту «жизненного мира» является концепт «форма жизни» Л. Витгенштейна. Его термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни. Каждая игра представляет собой некоторую форму жизни, особый тип человеческой деятельности и коммуникации: она имеет свои правила и они-то определяют значение слова. Обучение языку напоминает обучение игре; оно заключается в знакомстве с тем, каким образом используются слова.

Все наши верования Витгенштейн рассматривает как социальные, культурные продукты, как результаты человеческой деятельности и форми-

рования различных языковых игр. Не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка, – это совокупность языковых игр. Вся человеческая жизнь – совокупность языковых игр, форм жизни. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке – компонент деятельности или форма жизни»¹¹.

Языковые игры, или формы жизни принципиально замкнуты и не могут быть подвержены объяснению, поскольку их внутренние связи носят характер соглашений, они не являются обозначением фактов действительности, с которыми имеет дело естествознание. В каждой «форме жизни» устанавливается свой критерий «следования правилам». «Формы жизни» могут лишь «показываться», и понимать значение слов, заключённых в них, означает умение описывать употребление этих слов, то есть описывать те совместные действия, в которых участвуют носители языка. Форма языка порождается формами жизни или формами человеческой деятельности.

Вера в единообразие природы не есть какой-то особый принцип вне

10 Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 426-427.

11 Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 85.

и над действиями и реакциями людей в многообразных реальных ситуациях. Напротив, этот принцип и есть сам принятый образ действий, которому мы выучиваемся, овладевая всем тем, что обязательно должен знать и уметь человек. Страх перед тем, что огонь может обжечь, вера в то, что Солнце завтра снова взойдет и т.д., не имеют рационального обоснования. Но это не значит, что они не рациональны. Они не имеют рационального обоснования, потому что сами являются основой любого обоснования. При любой попытке обоснования будет возникать логический круг. Обоснование приходит к тому, что наша деятельность организована таким образом, потому что она организована таким образом. Такова наша форма жизни. А форма жизни не может иметь ни логического, ни эмпирического обоснования. Её обосновывает лишь тот факт, что она существует, что она есть форма жизни людей.

Витгенштейн показал, что «языковая игра» опирается на неявные допущения, определяющие изнутри её как вопросы, так и ответы, истинность и ложность которых недоказуема обычным способом. Если языковая игра оказывается непродуктивной, её можно изменить путём иных правил.

Правила оказываются проверяемыми не сами по себе, а лишь в контексте эффективности игры.

Пытаясь прояснить проблему конституирования жизненных миров, К. Касториадис отмечает, что институционализация общества всякий раз является установлением некой совокупности воображаемых социальных значений. Всякий раз общество институционализируется, устанавливая некий мир значений, который является его миром, и только соотносительно с ним мир существует и может существовать для него. Так, по Касториадису, нет референта для Бога, божеств, религиозных или мифологических образов или сущностей вообще – вне самих этих образов как значений. «Слово “Бог” не имеет никакого другого референта, кроме значения “Бог” – как оно каждый разлагается рассматриваемым обществом. “Референт”, которым будто бы являются индивидуальные представления о Боге (или богах), создаётся посредством творения и установления того главного воображаемого значения, которое есть Бог. Значение Бог является одновременно творящим “объект” индивидуальных представлений и главным элементом устройства мира в монотеистическом обществе, поскольку

Бог полагается одновременно и как исток бытия и как сущее в полном смысле этого слова, как норма и начало Закона, как последнее основание всякой ценности и как полюс, которым ориентировано социальное делание, потому что именно на основании него оказываются *разделёнными* область священного и область мирского, потому что именно на основании него устанавливаются огромное количество видов социальной деятельности и создаются объекты, не имеющие никакого иного «основания быть»¹².

Касториадис справедливо замечает, что точно такими же главными воображаемыми социальными значениями являются «экономия» и «экономика»; они не «соотносятся» с чем-либо, но исходя из них в обществе представляется, обдумывается, делается, совершается в качестве экономических огромное количество вещей. Нет иного референта для значений «гражданин», «справедливость», «товар», «деньги», «капитал» и т.д., кроме самих этих значений. Самое важное здесь, что центральные или первые значения существуют без какого-либо референта или, если угодно, сами вы-

ступают для себя референтом: «Они являются тем, что даёт быть для данного общества сопринадлежности самых на первый взгляд разнородных объектов, действий, индивидов. Они не имеют “референта”; они устанавливают способ бытия вещей и индивидов в качестве соотнесённого с ними. Как таковые для общества, которое их устанавливает, они не являются с необходимостью прояснёнными»¹³. Таким образом, воображаемые социальные значения вводят нас в некий первичный, изначальный, неустранимый способ бытия.

Жизненный мир – это заслуживающая доверия почва повседневной жизненной практики и опыта относительно мира, целостное знание, которое лежит в основании жизненного опыта. Предпосылками жизненного мира являются «телесность» реального индивида, его жизнь в сообществе, его субъективность, спаянная с традицией. Ж. Делёз отмечает: «Неосомненно, выражаемый мир не существует вне субъекта, который его выражает (то, что мы называем внешним миром, есть только обманчивая проекция, унифицирующий предел всех выражаемых миров). Однако выражаемый мир не смешивается с субъ-

12 Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М., 2003. – С. 443-444.

13 Там же. – С. 446.

ектом: мир отделяется от субъекта, в точности как сущность – от существования, включая и своё собственное существование. Мир не существует вне выражающего его субъекта, но он выражен как сущность, не самого субъекта, а Бытия, или той области Бытия, которая открыта субъекту. Вот почему всякая сущность есть отечество или родина. Она не сводится ни к психологическому состоянию, ни к психологической субъективности, ни даже к форме некоторой высшей субъективности. Сущность есть последнее свойство сердцевины субъекта. Но такое свойство более глубинно, чем сам субъект, оно – другого порядка: “Неизвестное свойство уникального мира”. Это не субъект, который выражает [expliquer] сущность, это скорее сущность, которая заключена [impliquer] в субъекте, свёрнута в нём и оборачивает его. Мало того, обёрнутая вокруг себя самой, она-то и образует субъективность. Не индивидуумы конституируют мир, но свёрнутые миры, сущности, конституируют индивидуумов...»¹⁴.

Мы смотрим на мир сквозь жизненный опыт, и именно он определяет то, какой мы видим реальность. Че-

ловек смеётся, сердится, поёт песни, рассказывает анекдоты, разгадывает кроссворды, переводит с одного языка на другой, молится, ругается нецензурной бранью, курит, знакомится, целуется, ест, смотрит телевизор, посещает дискотеку, выступает на собрании, пишет статью, осуждает правительство, опаздывает на работу, читает газету, разговаривает с собакой, женится, говорит по телефону, хоронит родственников, ходит в поликлинику, покупает продукты, рассматривает старые фотографии, посещает концерты, выезжает на природу, обсуждает последние новости, воспитывает детей, пьёт вино, думает о смысле жизни, сожалеет об утраченной молодости – всё это входит в содержание его жизненного мира. Жизненный мир – это и позиция незаинтересованного наблюдателя, своего рода идеализация. Жизненный мир – это и действительный горизонт, и постоянная кулиса повседневной коммуникации, повседневного опыта людей. Как отмечает Ю. Хабермас, «жизненный мир не только формирует контекст коммуникативного действия, но это и резервуар, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить

14 Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетеия, 1999. – С. 69-70.

интерпретации, пригодные для достижения консенсуса. В качестве ресурса жизненный мир конститутивен для процессов понимания. ...Мы можем представить себе жизненный мир, поскольку он привлечён к рассмотрению в качестве ресурса интерпретаций, как языково организованный запас изначальных допущений, предпочтений, которые воспроизводятся в виде культурной традиции»¹⁵.

Мы не в состоянии выбирать жизненный мир или перекраивать его так, как нам заблагорассудится. Мы можем видоизменять его изнутри, переструктурировать его, видоизменяясь при этом сами. Возможности переструктурирования коренятся в многообразии самого опыта, однако опыт ограничен моим существованием – телесным и речевым, и преодоление этих границ будет с неизбежностью приводить к устранению, подавлению самого существования. Можно согласиться с В. Декомбом, который пишет: «Когда мы говорим, что наша собственная цивилизация есть само выражение “современного разума” или что она обусловлена

процессом рационализации, мы становимся жертвой могущественного образа. Мы представляем себе кого-нибудь (индивидуального субъекта), перед кем открыты различные *возможности выбора*: он может предпочесть возможность «веры в науку», но может также выбрать и возможность «веры в миф». Если он выбирает науку, он рационален. Стало быть, всё это представление основано на недоразумении. Для того чтобы сделать мотивированный выбор, нужно располагать не только логическими критериями (непротиворечия и т.д.), но и *парадигмами*, иллюстрирующими, что такое правильное объяснение, правильное доказательство и т.п. Парадигмы же даёт культура и обучение вновь прибывших. Радикальный выбор между культурными возможностями – химера»¹⁶.

Историчность жизненного мира

Отдельная тема феноменологии – тема историчности жизненного мира. Исторически жизненный мир – не объективная реальность, а пред-

15 Жизненный мир в концепции Хабермаса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_fil/ZHIZNENNYJ-MIR-V-KONCEPCIJ-XABERMASA-12502.html

16 Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь Мир, 2000. – С. 292.

ставления людей о мире. Например, у древних греков было своё видение действительности, природы, которая не была природой в современном естественнонаучном смысле. Это видение определялось их космоцентрическим мировоззрением, заключавшем в себе мир языческих богов и демонов. В жизненном мире средневекового крестьянина уживались христианство и пантеизм, потому представления о Боге мирно соседствовали с представлениями о чёрте, водяном, лешем, русалке, ведьме, домовом. Жизненный мир средневекового монаха определялся его теоцентрическим мировоззрением, которое связано с представлениями о сотворении мира, грехопадении, искупительной жертве Христа, Страшном Суде, тогда как мир современного человека соотносится прежде всего с мировосприятием постиндустриального общества, погружённостью в мир техники, информации и массовой культуры. Каждое общество имеет свой «взгляд на само себя», который в то же время есть «взгляд на мир» (включая сюда другие общества, о которых оно может составить своё представление), – и этот «взгляд» является частью его «истины». Так, например, мы не сможем ничего узнать о горожанах или жителях русской деревни

XIX века, если не знаем того, что они знали, думали и чувствовали о себе. Но очевидно, что было нечто важное, касающееся их, чего они не знали и не могли знать. Мы можем всё это увидеть, но находясь на нашем месте, благодаря ему.

Есть жизненные миры, связанные с существованием совокупности людей как поколения, движущегося в локальном времени и пространстве. Так, например, в России живёт ещё поколение людей, которому известно, что такое дефицит, очереди, товарищеские суды, ввод ограниченного контингента советских войск, битвы за урожай, культ личности, кукуруза – королева полей, могильщик буржуазии, лагерь социализма, враг народа, абстрактный гуманизм, социалистический реализм, космополит. Новым поколениям всё это, как правило, уже неведомо. Есть жизненные миры, которые ушли в небытие, к примеру, жизненные миры кавалериста, машиниста паровоза, плотогона. Вместе с ними ушли соответствующие знания, умения, навыки, приёмы. Так, опытный кавалерист мог одним ударом рассечь противника шашкой надвое. При этом одной физической силы было совершенно недостаточно. Плотогоны же могли сплавлять лес в пло-

тах, скрепленных без единого гвоздя или скобы. Крестьяне должны были уметь плести лапти, ткать, косить траву, жать рожь, создавать из дерева и глины домашнюю утварь. Этот опыт, эти умения, эти миры ушли в прошлое вместе с кавалерией, сплавом леса, крестьянским бытом. Размышляя над ушедшими мирами, С. Лем замечает, что «кончина определённой группы специальностей, связанных, например, с парусным судоходством, не просто ведь сдача в музейное хранилище благородных каравелл и бригантин. Одновременно это гибель огромного универсума познаний, неразрывно связанных с такой профессией людей, которую не заменишь никакими другими. В этом смысле затухание определённой техники означает и кончину неких духовных возможностей человека. Они, не исключено, иначе впрягутся в новую технику, их иначе используют, привлекают к труду, но тот их образ, который был неразрывно впаян именно в эту профессию, погибнет навсегда»¹⁷.

В XX веке появились жизненные миры, связанные с бурным развитием автотранспорта, железных дорог, химии, авиации, электронной

промышленности. В жизненный мир человека органично вписались кино, автомобиль, стиральная машина, холодильник, пылесос, радио, компьютер, интернет. В повседневную жизнь вместе с компьютеризацией входит новый вид реальности – «виртуальная реальность». Внешний мир доступен нам с экрана монитора, хотя и исчез как таковой в своей вещественной плотности. Эта новая технологическая среда оказывает мощное воздействие на человека. Его диалог с компьютером превращается в постоянный и необходимый компонент жизни, он существенно преобразует процесс обучения, профессиональный труд, досуг, лечение. Благодаря соединению телевизора, компьютера, факса отпадает необходимость ходить не только в библиотеки, театры, филармонии, музеи, но и в магазины, всё популярнее становится надомный труд.

Выводы

Обеспечивая проникновение человеческой мысли в слои реальности, недоступные неспециализированному обыденному сознанию, рациональное сознание в то же время создаёт особый мир идеальных конструкций, «теоретический мир». В результате

17 Лем С. Фантастика и футурология. В 2 кн. – М., 2004. – Кн. 2. – С. 174-175.

вполне возможным становится «отчуждение» этого «теоретического мира» от мира, в котором существуют живые индивиды с их личностным сознанием. Значение феноменологической концепции жизненного мира заключается в том, что Бытие нельзя противопоставлять сознанию, ибо сознание, как и всё существующее, само обладает особыми бытийными

характеристиками, отличающимися и от «бытийности» мира природы, и от бытийности «мира» идеального. Достижения феноменологии связаны как раз со стремлением наиболее точно в теоретико-методологическом отношении определить специфику бытия идеальных предметов, бытия самого сознания и сделать отсюда принципиально важные выводы.

Список литературных источников

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 532 с.
2. Волков В. Н. Насилие и толерантность как принципы бытия в современном мире // Образование и общество. – 2005. – № 1. – С. 56-63.
3. Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества и философия; Философия как строгая наука. – Минск; М., 2000. – 752 с.
4. Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь Мир, 2000. – 344 с.
5. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. – СПб.: Алетейя, 1999. – 190 с.
6. Касториadis К. Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М., 2003. – 480 с.
7. Лем С. Фантастика и футурология. В 2 кн. – М., 2004. – Кн. 2. – 672 с.
8. Мотрошилова Н. В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. – М., 2003. – 720 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост. предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М., 1997. – 704 с.
10. Шютц А. Здравый смысл и научная интерпретация человеческой деятельности // Вестник СПбГУ. – 1994. – Вып. 4. – С. 37-67.

11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – 1056 с.
12. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – Т. 2. – С. 129–137.
13. Жизненный мир в концепции Хабермаса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_fil/ZHIZNENNYJ-MIR-V-KONCEPCII-XABERMASA-12502.html

The man and his living worlds

Volkov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Philosophy, professor, Head of Management Department,
Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism,
P.O. Box 123007, 5th Magistralnaya st., No. 5, Moscow, Russia;
e-mail: vnickvo@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to one of the most difficult and poorly studied problems of the philosophy of the twentieth century – the problem of the life-world. Man has always lived in the world – natural, social and cultural. But the world for him is not the "objective reality" but the reality of life, mastered, commensurate with him. This world cannot be the subject of natural science – it is the subject of phenomenology. The article highlights, justifies and describes the lifeworld characteristics such as integrity, structure, constitution, relativity, typification, idealization, and historicity. The phenomenological approach leads the author to the following theoretically important conclusions: being cannot be opposed to consciousness, for consciousness, like all things, of course, has special existential characteristics that differ from the "isness" of the natural world, and from the "isness" of the ideal "world". We look at the world through our experience and that is it that determines how we see the reality. Life world is that is the position of a disinterested observer and a kind of idealization also. Life world – this is the real horizon, and the permanent coulisse of everyday communication, everyday experience of people. We

are not able to choose the life world and reshape it as it pleases us. We can modify it from within, to restructure it, changing at the same time for ourselves. The possibilities are rooted in the restructuring of the diversity of experience, but experience is limited by existence – physical and speech, and the overcoming of these limits will inevitably lead to the removal, suppression of existence itself.

Keywords

Man, phenomenology, world, institutionalization, horizon, intersubjectivity, historicity.

References

1. Castoriadis, C. (2003), *The imaginary setting public* [*Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva*], Moscow, 480 p.
2. Dekomb, B. (2000), *Modern French philosophy* [*Sovremennaya frantsuzskaya filozofiya*], Ves' Mir, Moscow, 344 p.
3. Deleuze, J. (1999), *Marcel Proust and signs* [*Marsel' Prust i znaki*], Aleteiya, St. Petersburg, 190 p.
4. Husserl, E. (2000), *Logical Investigations, Cartesian thinking, Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology, Crisis of European Humanity and Philosophy, Philosophy as rigorous science* [*Logicheskie issledovaniya; Kartezianskie razmyshleniya; Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya; Krizis evropeiskogo chelovechestva i filozofiya; Filozofiya kak strogaya nauka*], Minsk, Moscow, 752 p.
5. Lem, S. (2004), *Fiction and Futurology*. In 2 books. Book 2 [*Fantastika i futurologiya*. V 2 kn. Kn. 2], Moscow, 672 p.
6. "Lifeworld in Habermas's conception" ["Zhiznennyi mir v kontseptsii Khabermasa"], available at: http://mirslivarey.com/content_fil/ZHIZNENNYJ-MIR-V-KONCEPCII-XABERMASA-12502.html
7. Motroshilova, N.V. (2003), Edmund Husserl Ideas I as an introduction to phenomenology [*Idei I Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu*], Moscow, 720 p.
8. Ortega y Gasset, J. (1997), *Selected works* [*Izbrannye trudy*], Moscow, 704 p.

9. Schutz A. (1988), "The structure of everyday thinking" ["Struktura povsednevnogo myshleniya"], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, Vol. 2, pp. 129-137.
10. Schutz, A. (1994), "Common sense and scientific interpretation of human activity" ["Zdravyi smysl i nauchnaya interpretatsiya chelovecheskoi deyatel'nosti"], *Vestnik SPbGU*, Vol. 4, pp. 37-67.
11. Schutz, A. (2004), *Selected works: The world glowing sense* [Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom], Moscow, 1056 p.
12. Volkov, V.N. (2005), "Violence and tolerance as the principles of life in the modern world" ["Nasilie i tolerantnost' kak printsipy bytiya v sovremennom mire"], *Obrazovanie i obshchestvo*, No. 1, pp. 56-63.
13. Wittgenstein, L. (1994), *Philosophical works. Part I* [Filosofskie raboty. Chast' I], Gnozis, Moscow, 532 p.